

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.023-034

О. В. Колесниченко*

Рассуждения о реальном объеме обязанности по возмещению вреда здоровью: путь к индивидуализации деликтной ответственности?

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения реального объема деликтной ответственности за вред, причиненный здоровью, в контексте взаимного влияния соответствующей правовой конструкции и альтернативных компенсационных форм, а также попытке переосмысления обнаруживаемых диспропорций с позиции существующих, традиционных и новаторских, теоретических концепций. Установлено, что современное законодательство и практика допускают непоследовательное использование регрессных и квазирегрессных прав требований для целей доведения ответственности до непосредственного причинителя физического вреда и (или) расширения ее объема, что требует обоснования концептуальных начал принятого подхода, позволяющих свести все случаи данного рода в единую систему. Отмечено, что отношения по возмещению вреда здоровью дают обширную почву для обсуждения индивидуализирующих воспитательных и профилактических начал деликтной ответственности, не связанных с использованием такого средства защиты нарушенного права, как компенсация морального вреда, что вызвано условным характером перечня потерь и затрат, предусмотренных в п. 1 ст. 1085 ГК РФ, существованием альтернативных способов оценки физического вреда, реализуемых в специальных разновидностях страхования, отсутствием единой системы установления последствий повреждения здоровья и другими факторами. Предложен механизм объективизации в нормах гражданского права соответствующего доктринального решения, применимый в сочетании с действующей правовой регламентацией страховых средств компенсации, конструкциями ответственности за третьих лиц и ответственности независимо от вины. Реализация этого предложения требует также отхода от ограничительного, основанного на нормах права социального обеспечения метода определения объема и характера возмещаемого вреда здоровью — с внесением необходимых изменений в § 2 гл. 59 ГК РФ.

Ключевые слова: вред здоровью; физический вред; возмещение вреда; деликтная ответственность; формы возмещения; карательные убытки; функции деликтной ответственности.

Для цитирования: Колесниченко О. В. Рассуждения о реальном объеме обязанности по возмещению вреда здоровью: путь к индивидуализации деликтной ответственности? // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 8. — С. 23–34. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.023-034.

© Колесниченко О. В., 2022

* Колесниченко Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

1-я Красная ул., д. 18, г. Рязань, Россия, 390043

olja_korn@mail.ru

Revisiting the Real Scope of the Obligation to Compensate for Harm to Health: The Way to Individualization of Tort Liability?

Olga V. Kolesnichenko, Cand. Sci. Law, Associate Professor, Department of the State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. 1-ya Krasnaya, d. 18, Ryazan, Russia, 390043
olja_korn@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of determining the real scope of tort liability for harm caused to health in the context of the mutual influence of the relevant legal design and alternative compensation forms, as well as an attempt to reconsider detected imbalances from the standpoint of existing, traditional and innovative theoretical concepts. It is established that modern legislation and practice leads to inconsistent use of recourse and quasi-recourse rights of claims for the purpose of holding liable a direct causer of physical harm and (or) expanding the scope of such liability, which requires justification of the conceptual principles of the adopted approach, allowing to narrow all cases of this kind to a single system. It is noted that the relations concerning compensation for harm to health provide extensive ground for discussing individualizing educational and preventive principles of tort liability, not related to the use of such a means of protecting a violated right as compensation for moral harm, which is caused by the conditional nature of the list of losses and costs provided for in paragraph 1 of Article 1085 of the Civil Code of the Russian Federation, by the existence of alternative ways to assess physical harm, implemented in special types of insurance and by the lack of a unified system for determining the consequences of causing damage to health and other factors. The author proposes the mechanism of objectification in the norms of civil law of the corresponding doctrinal decision applicable in combination with the current legal regulation of insurance means of compensation, constructions of liability for third parties and liability regardless of fault. Implementation of this proposal also requires departure from the restrictive method of determining the amount and nature of the harm caused to health to be compensated based on the norms of social security law and to make necessary amendments to Section 2 of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: harm to health; physical harm; compensation for harm; tort liability; forms of compensation; punitive damages; functions of tort liability.

Cite as: Kolesnichenko OV. Rassuzhdeniya o realnom obeme obyazannosti po vozmeshcheniyu vreda zdorov'yu: put k individualizatsii deliktной otvetstvennosti? [Revisiting the Real Scope of the Obligation to Compensate for Harm to Health: The Way to Individualization of Tort Liability?]. *Lex russica*. 2022;75(8):23-34. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.023-034. (In Russ., abstract in Eng.).

Современная цивилистическая доктрина, как известно, достаточно спокойно относится к вопросам правовой регламентации возмещения вреда здоровью¹, полагая, что объем и характер такового исчерпывающим образом определен в § 2 гл. 59 ГК РФ и не может быть скорректирован в зависимости от формы и (или) степени вины делинквента, обстоятельств происшествия и подобных параметров. Считается, что отраслевой принцип полноты возмещения (ст. 15 ГК РФ) достигается здесь за счет учета всех обязательных параметров суммы взыскания, а также сохранения за потерпевшим права на

независимую компенсацию морального вреда². Независимость от вины не является универсальной характеристикой этого рода обязательств, поскольку источником происхождения физического вреда служат различные факторы³. В качестве их общих черт могут быть обозначены лишь запрет на полный отказ или уменьшение суммы выплат в отношении отдельных видов расходов (абз. 3 п. 2 ст. 1083 ГК РФ) и возможность выбора ответчика в особо оговоренных ситуациях (например, при переадресации требований к лицу, причинившему вред в малолетнем возрасте, согласно п. 4 ст. 1073 ГК РФ).

¹ Здесь и далее автор рассматривает вред здоровью как объективный физический вред, оцениваемый по параметрам, установленным в ст. 1086 ГК РФ, или иными предусмотренными действующим законодательством методами.

² Чулюкова С. А. К проблеме правового регулирования возмещения вреда, причиненного жизни гражданина // Право и государство: теория и практика. 2018. № 9 (165). С. 98.

³ Эта особенность характерна лишь для некоторых специальных деликтов — ст. 1070, 1079, 1095 ГК РФ и др.

Перечисленные особенности сложно свести в единую систему, в то же время рассматриваемая область общественных отношений отличается значительным количеством альтернативных компенсационных механизмов, реализуемых в различных правовых формах постольку, поскольку данный вид неблагоприятных последствий, возможно, больше других нуждается в дополнительных гарантиях для полного и своевременного возмещения. Исследование относимых норм представляется необходимым потому, что, будучи построенными на идее солидаризации обязанности по возмещению потерь, такие формы способны создавать почву для введения «теневых» изъятий из общих условий возложения деликтной ответственности, а равно и правил определения размера компенсации. Обнаружение диспропорций в объеме и характере возмещения вреда здоровью, в свою очередь, требует переосмысления в русле существующих, традиционных и новаторских (в том числе и заимствуемых), теоретических концепций.

Обращаясь к объему и характеру возмещения вреда здоровью, в первую очередь следует заметить, что в силу п. 1 ст. 1085 ГК РФ наличие у пострадавшего права на бесплатное лечение, посторонний уход и иные услуги в области социальной, профессиональной и другой реабилитации препятствует взысканию их стоимости с причинителя вреда или иного ответственного лица, поскольку соответствующая часть затрат на восстановление здоровья прямо исключается из содержания вреда, имеющего юридическое значение в деликтных обязательствах. Как можно предположить, приводимое изъятие уравнивается правилом абз. 3 п. 2 ст. 1083 ГК РФ, поскольку в силу его действия должник в любом случае освобождается от части возмещения. К несколько иным выводам, однако,

позволяет прийти рассмотрение практики реализации права обратного требования (регресса) поставщиков медицинских и социальных услуг, деятельность которых, в сущности, направлена на частичное натуральное возмещение физического вреда, исключаемое согласно упомянутым положениям из объема гражданской ответственности.

Так, общепризнанно правило, согласно которому органы социального страхования наделены правом регрессного требования в части выплаченных ими страховых сумм либо стоимости предоставленных ими услуг к «лицам, по чьей вине причинен вред» здоровью застрахованного, — считается, что таким образом реализуется их право на защиту собственных имущественных интересов, нарушенных действиями (бездействием) делинквента. Поскольку речь идет не о переходе к страховщику притязания потерпевшего, а о самостоятельном требовании, обусловленном «возмещением вреда, причиненного другим лицом»⁴, для таких случаев обосновывается применение п. 1 ст. 1081 ГК РФ⁵. Дополнительным аргументом в пользу приведенной позиции служат статья 17 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»⁶, называющая в числе источников пополнения внебюджетных социальных фондов суммы, полученные в результате удовлетворения регрессных исков, и подпункт 8 п. 1 ст. 11 указанного закона о праве фондов обращаться в суд для соответствующих целей⁷.

Примечательно, что в судебных актах, принятых в интересах страховщика, подчеркивается, что требования данного рода следует рассматривать как «правовой механизм возложения бремени ответственности за причиненный вред в итоге непосредственно на его причинителя»⁸. Особая позиция, однако, зафиксирована для

⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2020 по делу № 88-4715/2020 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=8463#bFtQ8TuqlykIkMM> (дата обращения: 11.06.2022).

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2011 г. : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2011 г. (судебная практика по гражданским делам, п. 5) // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15098/> (дата обращения: 11.06.2022).

⁶ СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3686.

⁷ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2022 по делу № 88-362/2022 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=56625#a9ruQ8TcXXD5cHNr> (дата обращения: 11.06.2022).

⁸ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2022 № 08АП-3017/2022 по делу № А75-11071/2021 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=147081#i8lwQ8T0bXi7JgkR> (дата обращения: 11.06.2022).

ситуаций, когда регрессный иск обращается к организации, выполняющей функции страхователя по отношению к пострадавшему по ее вине работнику. Здесь у суда могут возникнуть обоснованные сомнения в наличии необходимых правовых условий для регресса, поскольку ответчик хотя бы и опосредованно, но участвует в возмещении причиненного вреда посредством уплаты страховых взносов⁹. Особую значимость данному подходу придает указание на то, что социальный фонд не несет убытков из-за выплаты страховых сумм, поскольку такая деятельность является для него основной и не вызвана неправомерным вмешательством в сферу его имущественных интересов¹⁰. Представляется, что в основе этого утверждения лежит принцип недопустимости лишения страховой защиты добросовестного страхователя¹¹, в целом же приводимая регламентация наглядно иллюстрирует уязвимость общей линии судебной практики в отношении регрессных требований поставщиков социальных услуг. Последние, как известно, всегда действуют на основании специального закона и в рамках договорных обязательств, а значит, предоставление ими тех или иных форм социального обеспечения застрахованным лицам в принципе не может трактоваться как повлекшее за собой причинение какого-либо вреда (убытков).

В отношениях по обязательному медицинскому страхованию страховое обеспечение,

как известно, представляет собой фактически оказываемую медицинскую помощь, а страховым случаем признается любое ухудшение состояния здоровья застрахованного, независимо от причин и факторов, вызвавших такое. С представлением такого рода на первый взгляд не связывается возмещение вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Тем не менее о прямо противоположном подходе свидетельствует статья 31 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»¹², предусматривающая возможность взыскания с «лица, причинившего вред здоровью застрахованного», стоимости лечения пострадавшего, оплаченного страховой медицинской организацией или фондом ОМС. В судебной практике применение данной нормы сопровождается также отсылками к ст. 15, 1064, 1081 ГК РФ, что позволяет отождествлять затраты на медицинское обслуживание с частью причиненного гражданину физического вреда, возмещенной «иным лицом», приобретающим при этом право регресса. Чаще всего описанный механизм используется в связи с несением затрат, обусловленных совершением умышленных преступлений, что можно считать данью советской правовой традиции¹³. Однако, в отличие от источников гражданского права, относящихся к периоду существования СССР¹⁴, современный ГК РФ не вводит дополнительных

⁹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.07.2021 по делу № А82-14692/2020 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=101366#VYawQ8TSKZ7QgJC2> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.10.2014 по делу № А29-8593/2013 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=66912#o7BxQ8Ti28YZ2DtO> (дата обращения: 11.06.2022).

¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.09.2016 по делу № Ф07-7344/2016 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=184275#IPWxQ8T8ox80laaz> (дата обращения: 11.06.2022).

¹² СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

¹³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 26.03.2021 по делу № 33-8258/2021 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1368324#w6oxQ8TtS6KLBhx9> (дата обращения: 11.06.2022) ; апелляционное определение Кемеровского областного суда от 28.04.2020 по делу № 33-3469/2020 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=284375#qkzxQ8TfLMkqtYN> (дата обращения: 11.06.2022).

Распространено также взыскание стоимости лечения с лиц, виновных в совершении неосторожных преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 264 УК РФ: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2021 по делу № 88-21446/2021 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=62139#r0FyQ8TIPFVp6kUI1> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁴ Указ Президиума ВС СССР от 25.06.1973 № 4409-VIII «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий» // URL: <https://ppt.ru/docs/ukaz/85657> (дата обращения: 11.06.2022) ; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 № 5362-VI «Об усилении

имущественных санкций за причинение вреда здоровью в отношении лиц, виновных в совершении конкретных противоправных деяний. Упомянутая норма, в свою очередь, не ставит возможность заявления обратного требования в зависимость от формы вины делинквента, категории правонарушения или каких-либо иных обстоятельств. Тем временем на попытку придания регрессного свойства данным притязаниям указывает также возможность включения в их состав дополнительной составляющей — затрат на экспертизу качества медицинской помощи, проведение которой является обязательным в целях обоснования взыскиваемых сумм.

Критически подходу к анализу приведенных положений и практики их применения, важно отметить, что возможность взыскания некоторых выплат, назначаемых в случае повреждения здоровья, в порядке регресса блокируется сущностным определением их правовой природы как лежащих вне области гражданско-правового регулирования, исключающим их отношение к объему компенсации согласно ст. 1086 ГК РФ. Так, к примеру, при исследовании трудовых пенсий по инвалидности отмечается их «социально-страховой характер», проявляющийся в реализации в данной форме принятых на себя государством социальных обязательств (ст. 39 Конституции РФ), но не имущественной ответственности, вытекающей из совершенного им правонарушения¹⁵.

Как представляется, в предшествующих деликтных правоотношениях законодатель как бы условно назначает потенциального регрессанта субъектом, виновным в совершении правонарушения или обязанным к возмещению случайно причиненного вреда независимо от вины. И хотя первичным мотивом здесь является потребность в перераспределении материальных потерь на лицо, обладающее необходимыми для этого финансовыми ресурсами, и в упрощении порядка взыскания, действие института регресса всё же строится на презюмируемой виновности или причастности такого специального субъекта. Неслучайно, соединяясь с нормами о возложении обязанности по возмещению вреда в исключительных случаях на «иное лицо» (как правило, на принципе независимости от вины), рассматриваемый инсти-

тут обеспечивает усиление профилактической и воспитательной составляющих деликтной ответственности, поскольку практически всегда используется в отношении физических лиц и требует установления вины как неотъемлемого условия его применения. Так, к примеру, при наличии обязанности государства в лице казны возмещать вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) органов дознания, предварительного следствия и суда, по особым правилам ст. 1070 ГК РФ регрессные требования могут предъявляться к должностным лицам исключительно на общих основаниях. Напротив, права регресса лишены субъекты, имеющие «собственную вину» в причинении вреда: родители, опекуны, образовательные и другие организации, виновные в ненадлежащем надзоре, ненадлежащем выполнении родительских обязанностей в отношении лица, не достигшего совершеннолетия (ст. 1073–1075 ГК РФ), опекуны или специализированные организации, виновные в недолжном осуществлении надзора за недееспособным (ст. 1076 ГК РФ).

Нельзя не заметить, что при регламентации современных разновидностей обязательного страхования гражданской ответственности, активно внедряемых в стране вслед за ОСАГО, так же часто используется термин «регресс», однако реальное его значение сильно отличается от заложенного гражданским законодательством. Так, на первый взгляд, конструкция регрессной ответственности применяется здесь для того, чтобы не лишать третьих лиц права на выплату страхового возмещения и одновременно оказывать профилактическое воздействие на застрахованных в целях обеспечения соблюдения ими некоторых специальных юридических обязанностей (например, не управлять транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения — для ОСАГО, не допускать к организованному перевозкам лиц, не прошедших обязательное медицинское освидетельствование, — для обязательного страхования ответственности перевозчиков (ОСОП) и т.п.). Однако напомним, что страховая выплата не может рассматриваться в качестве убытков, понесенных страховой организацией, поскольку последняя не является стороной деликтного

ответственности за хулиганство» (в ред. от 05.06.1981) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007313> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁵ Апелляционное определение СК по гражданским делам Самарского областного суда от 17.03.2014 по делу № 33-2491/2014 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VGGrwIQIMxN/> (дата обращения: 11.06.2022).

обязательства, но аккумулирует страховые премии непосредственно для создания источника таких выплат. Как следует полагать, «регресс» в отношениях данного рода в действительности является не обратным, а прямым требованием страховщика, направленным на взыскание убытков, причиненных ему ненадлежащим исполнением договора.

Сказанное не исключает потребности в правовом закреплении сущностной квалификации рассматриваемых отношений, тем более что тенденция к весьма широкому определению ситуаций, в которых добросовестно уплативший страховую премию субъект лишается страховой защиты, не может не вызывать опасений¹⁶. Ключевой вопрос, однако, состоит в другом: если современное законодательство и практика допускают выборочное использование регрессных и квазирегрессных прав требования для целей доведения ответственности до причинителя вреда и (или) расширения объема такой ответственности, могут ли быть обоснованны концептуальные начала такого подхода, позволяющие свести все случаи данного рода в единую систему? И если да, каким образом они должны объективироваться в области гражданско-правового регулирования? Ответы на эти вопросы требуют небольшого экскурса в суть современных представлений о содержании и назначении института возмещения вреда и влияния на него развивающейся правовой регламентации в сфере договора страхования.

Так, одной из предпосылок для выведения современной системы правовых форм возмещения вреда здоровью обоснованно служит определение правовой природы возместитель-

ной гражданско-правовой обязанности, возникающей в особых случаях — при независимости такой обязанности от вины и (или) возложении ее на лицо, не являющееся непосредственным причинителем вреда, в силу прямого указания закона. И здесь нельзя не заметить некоторой двойственности современной цивилистики. С одной стороны, для нее характерно наличие констатирующих мнений о необязательном¹⁷ или даже дополнительном¹⁸ характере условия вины для целей привлечения к деликтной ответственности. Такие мнения традиционно аргументируются потребностями в защите интересов слабой стороны от трудностей процесса доказывания¹⁹ либо несущественной ролью дифференциации форм вины в гражданском праве и применением для ее оценки объективного критерия достаточности мер заботливости и осмотрительности²⁰. С другой стороны, остается достаточное количество сторонников идеи терминологической определенности, отмечающих существование «безвиновного» правовостановительного механизма в виде мер защиты и требующих законодательного признания «ответственностью» лишь отношений по применению санкций за имущественные последствия виновного противоправного поведения²¹.

В попытке примирить эти подходы отдельные исследователи обращаются к категории риска, отмечая, что при создании субъектами сопоставимых взаимных рисков их последующие отношения должны быть подчинены классическим представлениям о виновной ответственности, в противном же случае необходимо устранение возникшей несправедливости с помощью правил о выплатах, не зависящих

¹⁶ Ярким подтверждением этой тенденции служит, к примеру, ст. 19 Федерального закона от 14.06.2012 № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3257), перечисляющая в числе оснований для «регресса» практически все возможные обстоятельства, способствующие причинению вреда при перевозках пассажиров.

¹⁷ Ли Ч. Соотношение виновной и безвиновной ответственности в деликтных обязательствах // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4. С. 53.

¹⁸ Дерюгина С. Р. Правовые особенности деликтных обязательств, возникающих при причинении вреда источником повышенной опасности // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 146.

¹⁹ Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учебное пособие. М. : Статут, 2016. С. 288.

²⁰ Матанцев Д. А. Основания деликтной ответственности в римском и современном европейском гражданском праве // Юридическая наука. 2021. № 11. С. 113.

²¹ Кузнецова О. А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // Lex russica. 2017. № 5 (126). С. 20 ; Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования: деятельностно-догматический подход : монография. М. : Статут, 2013. С. 377.

от вины²². Любопытно, что эта идея транслируется на многие частные случаи применения конструкции строгой ответственности, что, в свою очередь, оправдывает смысловое объединение рискованной и повышенно опасной деятельности²³, выводит на первый план такую особенность источника повышенной опасности, как вероятность выхода из-под контроля вследствие факторов, не связанных с поведением его владельца (например, по причине недостаточной «познанности» данного источника повышенной опасности человеком). Распространение категории справедливости на рассматриваемые правоотношения, впрочем, имеет и другие последствия. Указывается, в частности, что причиной развития возмездных разновидностей страхования служит ситуация, при которой «никакой риск и никакие меры предосторожности больше не гарантируют освобождения от обязанности возмещения вреда»²⁴. Данный подход фактически подразумевает, что деликтная ответственность преобразуется в «чистое» средство компенсации, вследствие чего становится допустимым ее замещение подходящим по форме и виду страхованием²⁵. Однако действительно ли этот вывод столь очевиден и исключает возможность существования других моделей соотношения деликтных и страховых обязательств?

Сложно согласиться с мнением о том, что при введении правил о независимости возмещения вреда от вины любая ошибка или упущение со стороны делинквента исключаются как таковые, скорее речь идет о том, что его субъективное отношение к наступающим неблагоприятным последствиям не принимается законом во внимание для целей восполнения имущественной сферы потерпевшего²⁶. На наш взгляд, реальная задача таких правил состоит в предоставлении возможности назначения компенсации для случаев, когда вредоносное воздействие причиняется в результате выхода

источника (средства) такого воздействия из-под контроля человека, а равно проявления его неожиданных свойств, — в дополнение, а не в противопоставление к более привычным ситуациям причинения вреда вследствие недостаточной степени заботливости и осмотрительности ответственного лица. При этом вместо обычной степени заботливости и осмотрительности, ожидаемой от каждого «разумного человека», юридическое значение приобретает проявление их в повышенной степени, требующейся от лица в силу осознанного вступления в рискованные отношения, а также предположение о наличии у него необходимых для осуществления соответствующей деятельности специальных познаний. Именно в этом, следует полагать, и заключается специфика «повышенной» деликтной ответственности.

В то же время пограничный характер и сложность дифференциации описываемых случаев, а не частные проблемы доказывания, которые носят, скорее, производный от них характер, определяют то, что юридико-техническим средством выражения «повышенной» деликтной ответственности служит неопровержимая презумпция вины, распространяемая на все случаи причинения вреда в процессе осуществления деятельности данного рода (в сфере обращения потребительских товаров, использования транспорта и опасных производственных объектов и др.). Принятие рисков случайного причинения вреда при таком подходе не охватывает ситуации, когда вред является результатом волевых действий третьих лиц или самого потерпевшего, поскольку таковые, независимо от того, кем они совершены, не подпадают под категорию «казуса» (случая) и, совершенно очевидно, не могут быть объяснены свойствами потенциальной вредоносности и рисковости того или иного вида человеческой деятельности. Иное понимание (к сожалению, находящее своих сторонников не только в теории, но и в

²² Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 52–53.

²³ Беликова К. М., Румянцев М. Б. Некоторые размышления о причинении вреда источником повышенной опасности в праве РФ и США // Право и политика. 2018. № 5. С. 29, 41.

²⁴ Румянцев М. Б. Безвиновная ответственность — один из векторов развития деликтного права в России и США // Современное право. 2011. № 11. С. 47.

²⁵ Маркина М. В. Основная и субсидиарная ответственность за причинение вреда лицом, застраховавшим свою гражданско-правовую ответственность за причинение вреда // Юрист. 2021. № 6. С. 33.

²⁶ Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учебное пособие. М. : Юстицинформ, 2017. С. 13.

судебной практике²⁷) в значительной степени способствует острой критике конструкции ответственности независимо от вины как примера диспропорций в сфере частноправового регулирования.

Далее, следует различать установление ответственности за причиненный вред как меру защиты на случай нарушения охраняемого законом блага и введение института обязательного страхования как меру защиты для производного права на возмещение причиненного вреда. Действительно, именно риски несения потерпевшим дополнительных потерь в результате неисполнения деликтного обязательства часто признаются достаточным поводом для принятия властного решения об установлении новой разновидности возмездительного страхования²⁸. Подтверждением сказанному служат множественные примеры из области страхования как деликтной, так и договорной ответственности. Так, страховым случаем по ОСАГО считается не только причинение материального вреда «уязвимым» участникам дорожного движения, но и наступление ответственности владельцев транспортных средств друг перед другом, т.е. «за вину». Для управляющих компаний, осуществляющих формирование и инвестирование средств пенсионных накоплений, закон прямо называет примерный перечень противоправных виновных деяний, совершение которых должно быть охвачено обязательным страхованием (преступления в сфере экономики, компьютерной информации и др.)²⁹.

Убедившись, что представление об апотизирующем развитии института деликтной ответственности основано на неверных методологических предпосылках, нельзя не признать, однако, что возмездительные разновидности страхования, вводимые в обязательной фор-

ме, существенно влияют на такое развитие. Наиболее важные модификации наблюдаются при переходе от обязательного страхования гражданской ответственности к обязательному страхованию рисков причинения вреда (как это произошло, например, в сфере несчастных случаев на производстве), когда возникают две самостоятельные подсистемы компенсаций, различающиеся не только порядком определения размера выплат, но условиями их назначения. Здесь следует отметить, что, по общему мнению отечественных и зарубежных авторов, направленность деликтного обязательства действительно определяет идея восстановления положения, существовавшего до нарушения права³⁰. В то же время деликтная ответственность не может быть отождествлена исключительно с обязанностью по возмещению вреда, поскольку механизм ее реализации предполагает такое восстановление, которое, во-первых, обеспечивается государственным принуждением (является его мерой), во-вторых, влечет за собой умаление имущественной сферы делинквента (иного ответственного лица — специального субъекта) и, в-третьих, служит формой порицающего реагирования правовой системы государства на такие деяния, которые обладают свойствами неправомерности, причинили вред (находятся с ним в причинной связи). Наряду с этим, доктрина гражданского права всё чаще пополняется попытками переосмысления характерного для англосаксонской правовой традиции института карательных (штрафных) убытков — специальной разновидности убытков, взыскиваемых в особых случаях намеренного, «вопиющего» поведения делинквента³¹. Сферой использования этой конструкции в России предлагается, в частности, сделать правоотношения, вытекающие из причинения неимуще-

²⁷ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 № 88-5561/2022 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=64073#VnPzQ8TbUa9gVC5F> (дата обращения: 11.06.2022).

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” в связи с запросами Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С. Н. Шевцова» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53775/ (дата обращения: 11.06.2022).

²⁹ Федеральный закон от 24.07.2002 № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³⁰ Волос А. А. Принципы обязательственного права : монография. М. : Статут, 2016. С. 106 ; Underwood J. Tort Law: Principles in Practice. New York : Wolters Kluwer, 2022. P. 560.

³¹ Kozioł H. Punitive Damages — A European Perspective // Louisiana Law Review. 2008. Vol. 68. P. 741–764.

ственного вреда и некоторых трудно доказуемых экономических потерь³².

Особый интерес в контексте сказанного представляет идея о «частном наказании за деликт», каковое предлагается считать необходимой функцией гражданско-правовой ответственности и, более того, одной из центральных целей, достигаемых пострадавшим при обращении охранительных норм против деликвента³³. Истоки этой идеи можем проследить в советской доктрине, где отмечалось, что без наложения на правонарушителя дополнительных имущественных санкций невозможна реализация каких-либо иных функций деликтной ответственности, помимо восстановительной³⁴. В современной версии этой концепции подчеркивается возможность восстановить предупредительную составляющую ответственности для ситуаций, в которых материальный вред в силу обязательного или добровольного вступления причинителя вреда в отношения по страхованию возмещается полностью или в преимущественной части страховой компанией³⁵. Внедрение наказательных начал не отрицается и применительно к имущественной составляющей, хотя приводимые здесь примеры и не относятся к области деликтного права³⁶.

Как можно заметить, отношения по возмещению вреда здоровью дают обширную почву для обсуждения индивидуализирующих наказательных начал деликтной ответственности, не связанных с использованием такого средства защиты нарушенного права, как компенсация морального вреда, что обусловлено целым комплексом факторов. Во-первых, перечень потерь и затрат, предусмотренных в ст. 1085 ГК РФ, вследствие специфики охраняемого нематериального блага является достаточно условным, к тому же его формирование относится к советскому периоду развития гражданского права, когда приоритетной формой возмещения вреда здоровью считалось ограниченное по

своей сути социальное обеспечение трудящихся. Во-вторых, при реализации специальных разновидностей обязательного страхования используются альтернативные методы оценки физического вреда (как, например, «табличная» оценка при ОСАГО). В результате создается ситуация, когда отдельные категории затрат и потерь, считающиеся полностью погашенными в результате назначения страховой выплаты, в действительности продолжают существовать на стороне потерпевшего. В-третьих, к настоящему времени фактически не создана единая система оценки физического вреда для всех случаев его причинения, что обуславливает формирование на законодательном и локальном уровне несопоставимых систем компенсаций. В-четвертых, при наличии общего правила о недопустимости отказа в возмещении вреда здоровью правовые условия назначения «деликтной» компенсации предполагают возможность снижения присуждаемых сумм с учетом собственной вины пострадавшего, в равной мере неопределенной является судьба отстоящих по времени и опосредованных потерь, проистекающих из начального факта повреждения здоровья.

В русле сказанного нельзя не обратить внимание на ст. 1084 ГК РФ, которая таит в себе потенциал для последующего системного урегулирования использования различных правовых инструментов для целей доведения ответственности до причинителя вреда и (или) расширения объема такой ответственности. Представляется, что упоминание «более высокого размера ответственности» не вполне корректно для случаев, когда вред здоровью причиняется при участии гражданина в трудовых, договорных и иных специфических отношениях. В действительности, применение ст. 1084 ГК РФ связывается с возложением на определенных лиц (работодатель, государство и др.) дополнительных обязанностей перед пострадавшим,

³² Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 2. С. 7–10 ; Будылин С. Л. Сверхкомпенсационные убытки. Возможности их взыскания в России и за рубежом // Арбитражная практика. 2014. № 4. С. 123.

³³ Арсланов К. М. Гражданско-правовое (частное) наказание за деликт: предупреждение, «личное удовлетворение» в гражданском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2. С. 242.

³⁴ Шиминова М. Я. Компенсация вреда гражданам: гражданско-правовое регулирование. М. : Наука, 1979. С. 15.

³⁵ См.: Арсланов К. М. Указ. соч. С. 245.

³⁶ См.: Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 108.

обусловленных его особым трудовым (служебным) или иным правовым статусом. Важен, однако, сам посыл о возможности восстановления потенциала деликтной ответственности, который может быть раскрыт применительно к регламентации обязательств по возмещению физического вреда следующим образом.

При попадании физического вреда в орбиту гражданско-правового регулирования представляется возможным условно обозначить в его составе базовые и факультативные затраты и потери, используя это разграничение для усиления индивидуализирующих, воспитательных и профилактических, начал деликтной ответственности: базовые — как компоненты возмещения, необходимые для стабилизации состояния потерпевшего, факультативные — как эквивалент неочениваемых в настоящее время утраченных способностей (к обучению, общению и др.³⁷), отстоящих по времени и опосредованных потерь. При этом вероятен механизм объективизации в нормах гражданского права соответствующего доктринального решения, совместимый не только с действующей правовой регламентацией страховых средств компенсации (здесь конкретные виды потерь и затрат

могут закрепляться за причинителем вреда и страховщиком), но и с правовыми конструкциями ответственности за третьих лиц и ответственности независимо от вины. Данный механизм предполагает, что специальный субъект, отвечающий в силу презумпции или прямого указания закона, может присуждаться к возмещению только базовых затрат и потерь, в свою очередь, обнаружение вины конкретного лица позволит взыскивать с него по инициативе потерпевшего факультативные затраты и потери либо сочетать прямые и обратные требования для доведения ответственности в абсолютном объеме причиненного вреда — при отсутствии какой бы то ни было вины со стороны привлекаемого специального субъекта. Реализация предлагаемого подхода потребует также отказа от ограничительного, основанного на нормах права социального обеспечения, метода определения объема вреда здоровью с внесением необходимых изменений в § 2 гл. 59 ГК РФ. Этот шаг представляется вполне закономерным на пути переосмысления роли отраслевого принципа полного возмещения ущерба (ст. 15 ГК РФ) в «медвежьем углу»³⁸ российской цивилистики — теории деликтных обязательств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арсланов К. М. Гражданско-правовое (частное) наказание за деликт: предупреждение, «личное удовлетворение» в гражданском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 2. — С. 241–247.
2. Беликова К. М., Румянцев М. Б. Некоторые размышления о причинении вреда источником повышенной опасности в праве РФ и США // Право и политика. — 2018. — № 5. — С. 29–41.
3. Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. — 2013. — № 7. — С. 49–62.
4. Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России // Гражданское право. — 2017. — № 2. — С. 7–10.
5. Будылин С. Л. Сверхкомпенсационные убытки. Возможности их взыскания в России и за рубежом // Арбитражная практика. — 2014. — № 4. — С. 116–125.
6. Волос А. А. Принципы обязательственного права : монография. — М. : Статут, 2016. — 176 с.
7. Дерюгина С. Р. Правовые особенности деликтных обязательств, возникающих при причинении вреда источником повышенной опасности // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — Т. 6. — № 1. — С. 145–151.
8. Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учебное пособие. — М. : Юстицинформ, 2017. — 376 с.
9. Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 1. — С. 68–110.

³⁷ Статьи 1085 и 1086 ГК РФ указывают на определение денежного эквивалента лишь в отношении утраченной способности к трудовой или иной оплачиваемой деятельности.

³⁸ См.: Богданов Д. Е. Указ. соч. С. 49.

10. Кузнецова О. А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // *Lex russica*. — 2017. — № 5 (126). — С. 11–23.
11. Ли Ч. Соотношение виновной и безвиновной ответственности в деликтных обязательствах // *Вестник ВАС РФ*. — 2013. — № 4. — С. 53–63.
12. Маркина М. В. Основная и субсидиарная ответственность за причинение вреда лицом, застраховавшим свою гражданско-правовую ответственность за причинение вреда // *Юрист*. — 2021. — № 6. — С. 33–35.
13. Матанцев Д. А. Основания деликтной ответственности в римском и современном европейском гражданском праве // *Юридическая наука*. — 2021. — № 11. — С. 110–114.
14. Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования: деятельностно-догматический подход : монография. — М. : Статут, 2013. — 436 с.
15. Румянцев М. Б. Безвиновная ответственность — один из векторов развития деликтного права в России и США // *Современное право*. — 2011. — № 11. — С. 46–49.
16. Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учебное пособие. — М. : Статут, 2016. — 336 с.
17. Чулюкова С. А. К проблеме правового регулирования возмещения вреда, причиненного жизни гражданина // *Право и государство: теория и практика*. — 2018. — № 9 (165). — С. 94–99.
18. Шиминова М. Я. Компенсация вреда гражданам: гражданско-правовое регулирование. — М. : Наука, 1979. — 184 с.
19. Kozioł H. Punitive Damages — A European Perspective // *Louisiana Law Review*. — 2008. — Vol. 68. — P. 741–764.
20. Underwood J. Tort Law: Principles in Practice. — New York : Wolters Kluwer, 2022. — 954 p.

Материал поступил в редакцию 13 июня 2022 г.

REFERENCES

1. Arslanov KM. Grazhdansko-pravovoe (chastnoe) nakazanie za delikt: preduprezhdenie, «lichnoe udovletvorenie» v grazhdanskom prave [Civil (private) punishment for tort: prevention, «personal satisfaction» in civil law]. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2015;2:241-247. (In Russ.).
2. Belikova KM, Rumyantsev MB. Nekotorye razmyshleniya o prichinenii vreda istochnikom povyshennoy opasnosti v prave RF i SSHA [Some reflections on causing harm by a source of increased danger in the law of the Russian Federation and the USA]. *Law and Politics*. 2018;5:29-41. (In Russ.).
3. Bogdanov DE. Triedinaya sushchnost spravedlivosti v sfere deliktной otvetstvennosti [The triune essence of justice in the field of tort liability]. *Journal of Russian Law*. 2013;7:49-62. (In Russ.).
4. Bogdanov DE, Bogdanova EE. K voprosu o nekompensatsionnykh ubytkakh v grazhdanskom prave Rossii [Revisiting the Non-Compensatory Damages under the Civil Law of Russia]. *Civil Law*. 2017;2:7-10. (In Russ.).
5. Budylin SL. Sverkh kompensatsionnye ubytki. Vozmozhnosti ikh vyzyskaniya v Rossii i za rubezhom [Overcompensatory losses. The possibilities of their recovery in Russia and abroad]. *Arbitrazhnaya praktika*. 2014;4:116-125. (In Russ.).
6. Volos AA. Printsipy obyazatelstvennogo prava: monografiya [Principles of the Law of Obligations: monograph]. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
7. Deryugina SR. Pravovye osobennosti deliktnykh obyazatelstv, vznikayushchikh pri prichinenii vreda istochnikom povyshennoy opasnosti [Legal features of the tort obligations arising at causing of harm by the source of the increased danger]. *Juridical Journal of Samara University*. 2020;6(1):145-151. (In Russ.).
8. Egorova MA, Krylov VG, Romanov AK. Deliktnye obyazatelstva i deliktная otvetstvennost v angliyskom, nemetskom i frantsuzskom prave: uchebnoe posobie [Tort obligations and tort liability in English, German and French law: a textbook]. Moscow: Justicinform Publ.; 2017. (In Russ.).
9. Krasnova SA. Sverkhkompensatsionnaya zashchita v rossiyskom grazhdanskom prave: formy i predely [Overcompensation in Russian Civil Law: Forms and Limits]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2020;1:68-110. (In Russ.).
10. Tarasenko OA. Problemy ucheniya o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti [Problems of the Civil Liability Doctrine]. *Lex russica*. 2017;5(126):11-23. (In Russ.).

11. Li Ch. Sootnoshenie vinovnoy i bezvinovnoy otvetstvennosti v deliktnykh obyazatelstvakh [The ratio of guilty and innocent liability in tort obligations]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2013;4:53-63. (In Russ.).
12. Markina MV. Osnovnaya i subsidiarnaya otvetstvennost za prichinenie vreda litsom, zastrakhovavshim svoju grazhdansko-pravovuyu otvetstvennost za prichinenie vreda [Primary and Subsidiary Liability for Infliction of Harm by a Person Having Insured its Civil Liability for Infliction of Harm]. *Jurist*. 2021;6:33-35. (In Russ.).
13. Matantsev DA. Osnovaniya deliktной otvetstvennosti v rimskom i sovremennom evropeyskom grazhdanskom prave [Grounds of Tort Liability in Roman and Modern European Civil Law]. *Legal Science*. 2021;11:110-114. (In Russ.).
14. Rodionova OM. Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: deyatel'nostno-dogmaticheskiy podkhod: monografiya [Mechanism of civil law regulation: activity-dogmatic approach: monograph]. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).
15. Rumyantsev MB. Bezvinovnaya otvetstvennost — odin iz vektorov razvitiya deliktного prava v Rossii i SShA [Bezvinovnaya responsibility — one of vectors of development of a law of torts to Russia and the USA]. *Sovremennoe pravo*. 2011;11:46-49. (In Russ.).
16. Sarbash SV. Elementarnaya dogmatika obyazatelstv: uchebnoe posobie [Elementary dogmatics of obligations: a textbook]. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
17. Chulyukova SA. K probleme pravovogo regulirovaniya vozmeshcheniya vreda, prichinennogo zhizni grazhdanina [To the issue of legal regulation of compensation caused life citizen]. *Law and State: The Theory and Practice*. 2018;9(165):94-99. (In Russ.).
18. Shiminova MYa. Kompensatsiya vreda grazhdanam: grazhdansko-pravovoe regulirovanie [Compensation for harm to citizens: civil law regulation]. Moscow: Nauka Publ.; 1979. (In Russ.).
19. Koziol H. Punitive Damages — A European Perspective. *Louisiana Law Review*. 2008;68:741-764. (In Russ.).
20. Underwood J. Tort Law: Principles in Practice. New York: Wolters Kluwer; 2022. (In Russ.).